



ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ HISTORY OF ART

УДК 781.7

НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЧЕРНОГОРИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА С РОССИЕЙ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Вуйошевич Сара, аспирантка, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (г. Подгорица, Черногория). E-mail: vuyoshevich@mail.ru

Карташова Татьяна Викторовна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой теории музыки и композиции, Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова (г. Саратов, РФ). E-mail: arun-rani@yandex.ru

В статье выявляется специфика культурного диалога Черногории и России, прослеживаются исторические взаимоотношения двух стран, активно развивающиеся с начала XVIII века. Этим подчеркивается актуальность изучения национальных культур на протяжении всего XX и начала XXI века, определяется самобытность черногорской культуры в ее непосредственном контакте с русской национальной традицией. Внимание акцентируется на национальном искусстве Черногории и его самых значительных достижениях в истории прошлого и настоящего. Делаются выводы об особенностях черногорского музыкального фольклора. Подчеркивается значение в традиционной культуре Черногории эпических и героических песен (исполнявшихся в сопровождении основного народного инструмента гусле). Исторически, эти песни имели огромную мотивационную власть над населением, а гуслеры пользовались почти таким же уважением, как лучшие из воинов. Некоторые типичные черты югославянского фольклора были выявлены и осмыслены именно русским исследователем – Б. В. Асафьевым.

Авторы статьи обращаются к крупнейшим писателям и поэтам XIX столетия – Пушкину, Куприну, Аксакову, характеризующим менталитет и самобытную культуру южных славян – черногорцев. Приводятся фрагменты поэтических, прозаических и эпистолярных произведений, в которых наиболее ярко прослеживаются типичные национальные черты, особенности взглядов и убеждений черногорцев, некоторые важнейшие исторические события. Также выявляется значение великого черногорского правителя и поэта Петра Негоша, сыгравшего основополагающую роль не только в становлении государства, национальной литературы, но и в налаживании политических и культурных контактов с Россией. Анализируется подлинный литературный шедевр Черногории – поэма Петра Негоша «Горный венец», созданная в 1847 году. Она является энциклопедией черногорской жизни и буквально пронизана народным духом.

В заключение делается вывод о том, что «доминирующей культурой» для черногорского пространства явилась европейская культура и русская, посредством которой транслируется текст национальной культуры.

Ключевые слова: Черногория, Петр Негош, Пушкин, Куприн, Аксаков, гусле, героический эпос, поэма «Горный венец».

MONTENEGRO NATIONAL ART IN THE CONTEXT OF CULTURAL DIALOGUE WITH RUSSIA: INTRODUCTION TO THE PROBLEM

Vuyoshevich Sara, Postgraduate, Sobinov Saratov State Conservatory (Podgorica, Montenegro). E-mail: vuyoshevich@mail.ru

Kartashova Tatyana Viktorovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of Music Theory and Composition, Sobinov Saratov State Conservatory (Saratov, Russian Federation). E-mail: arun-rani@yandex.ru

The article reveals the specificity of cultural dialogue, Montenegro and Russia, traced the historical relations between the two countries actively developing since the beginning of the XVIII century. This emphasizes the relevance of the study of national cultures throughout the XX and beginning of XXI century, which is defined by the identity of the Montenegrin culture in its direct contact with the Russian national tradition. The focus of the article is focused on the national art of Montenegro and its most significant achievements in the history of the past and present. Conclusions about the features of the Montenegrin folk music. It stresses the importance of traditional culture in Montenegro epic and heroic songs (performed to the accompaniment of the main folk instrument gusle). Historically, these songs had a great motivational power over the population, and psaltery players enjoyed almost as much respect as the best of men. Some typical features of Slavic folklore are identified and interpreted by Russian researcher Asafiev.

The author refers to the great writers and poets of the XIX century: Pushkin, Kuprin, Aksakov, who described the mentality and the unique culture of the South Slavs, Montenegrins. The fragments of poetry, prose and epistolary works that most clearly traced typical national features, especially the views and beliefs of Montenegrins, some major historical events. Also reveals the great importance of the Montenegrin ruler and poet Peter Negosh, who played a fundamental role not only in the development of the state, national literature, but also in the establishment of political and cultural ties with Russia. The author analyzes authentic literary masterpiece of Montenegro – Peter Negosh poem “The Mountain Wreath” created in 1847. It is an encyclopedia of Montenegrin life and literally riddled with national spirit.

In conclusion, the conclusion is that the “dominant culture” for Montenegro-Soviet space was Russian and European culture, through which the text of the national culture is transmitted.

Keywords: Montenegro, Peter Negosh, Pushkin, Kuprin, Aksakov, gusle, heroic epic, poem “The Mountain Wreath”

Искусство Черногории обрело широкую известность в XX веке, подарив миру немало значительных культурных открытий. Вступив на европейскую арену в конце XIX – начале XX века, композиторы, поэты, художники Черногории сделали достоянием эпохи богатейшее наследие национального фольклора, внесли свой вклад в общий процесс обновления и развития современного искусства.

Черногорские народные песни и пляски в разных стилизованных вариантах и обработках встречаются не только в произведениях черногорских композиторов (Ивана Бркановича, Ильи Лакешича, Джорджа Радовича, Цветка Ивановича, Бранка Зеновича, Сречка Марковича, Николы Чу-

чича, Жарка Мирковича и др.). Со времени сербского композитора Стевана Мокраньца до наших дней, особенно в произведениях Николы Херцигони, они являются базой, из которой вышел целый ряд музыкальных произведений и в других национальных культурах.

Несмотря на богатую историю двух стран, взаимоотношения России и Черногории начались только в XVIII веке. Тогда Черногория находилась под формальной юрисдикцией Османской империи и имела уникальную форму государственности – теократию с элементами родового строя.

Напомним некоторые установленные факты. В 1711 году к митрополиту Черногории Данило I Петровичу-Негошу прибыли послы из России,

которые вручили владыке послание от русского царя Петра I с предложением о совместной борьбе против Турции. Как известно, призыв Петра Алексеевича нашёл живейший отклик: для Черногории, буквально зажатой со всех сторон врагами, сам факт наличия великой славянской и единой православной державы имел огромное значение. Черногорцы с воодушевлением приняли предложение и выступили против османских войск. С этого времени начинаются тесные контакты между двумя православными государствами.

Остановимся более подробно на аспектах взаимодействия двух культур, акцентируя внимание именно на национальном искусстве Черногории и его самых значительных достижениях.

Искусство и культура занимают важнейшее место в жизни черногорцев, о чём свидетельствует известная картина Ярослава Чермака «Вывоз картин из цетиньского дворца». На ней изображены черногорцы, которые, отступая перед турками, уносят с собой картины. Черногория славится своей духовной культурой: в этой стране находится множество церквей и монастырей самых разных времён¹.

Одним из «прекрасных достояний общечеловеческой лирической культуры» назвал крупнейший русский ученый, академик Борис Владимирович Асафьев, народную песенность южных славян [3, с. 308]. Привлекая внимание исследователей к «музыкальной проблеме Балкан» и полагая, что это «интереснейший и глубочайший по содержанию своему и истокам музыковедческий объект», Асафьев в статьях 1942 года обозначил характерные свойства фольклора югославянских народов в его связи с древнейшими традициями европейской культуры и последующими процессами балканской истории [3, с. 336]. Подчеркивая свой интерес к народному мелосу, «всосавшему в себя и переинтонировавшему заветные лирические думы славянства, связавшему их с восточными влияниями, и с Византией, и, по-видимому, с просочившимся сквозь века ритмоинтонациями древнегреческой культуры» [3, с. 340], Асафьев указывал на свидетельства сохранив-

шихся в народной музыке этого региона «давних общечеловеческих традиций и, что особенно существенно, – закономерностей становления интонационного искусства слова-тона» [3, с. 336]. Это своеобразное искусство певческой декламации в манере «сказывания» определяет стилистику исполнения героического эпоса – одного из старейших и самобытнейших жанров народно-профессионального творчества, получившего наибольшее распространение в Сербии и Черногории. Оно существовало благодаря творчеству гусярлов – народных певцов-сказителей, исполнявших героические песни в сопровождении *гусле* – старинного струнного смычкового инструмента. В подобном пении-декламации доминирует текст, так как целью является передача определённого рассказа, донесение поучения или морали, имеющее прежде всего воспитательное, информационное и культурное значение. Но иногда оно выполняло и развлекательную функцию. Данный факт свидетельствует о том, что пение-декламация играет весьма разнообразную роль в жизни людей и ставит *гусле* на очень высокое место в иерархии инструментов. Это место обеспечивается им прежде всего традицией, уходящей в глубокую древность.

До начала XX века основным жанром черногорской музыки оставались народные песни, запечатлевшие в основном многовековую освободительную борьбу против турецких завоевателей².

² Очень важным аспектом традиционной культуры Черногории является этический идеал Чойство и Юнаштво, который примерно переводится как «Человечность и Отвага». Другим результатом черногорской вековой истории является скрытое рыцарское правило, которое гласит: чтобы заслужить истинное уважение своего народа, человек должен показать такие достоинства, как честность, смирение, самопожертвование ради правого дела, уважение к другим и храбрость. В древние времена битв это приводило черногорцев к бравой смерти в бою, так как пленение считалось величайшим позором. Этот кодекс поведения по-прежнему укореняется в умах молодых черногорцев. Черногория никогда не была полностью захвачена, тогда как все другие страны югославянских народов когда-то побывали под игом иноземным. Именно данный факт считается результатом национальной приверженности к таким правилам. В них можно проследить большинство примеров поведения черногорцев за всю долгую историю.

¹ Особенно выделяется монастырь Острог. Буквально врезанный в гору, он привлекает не только уникальным расположением и обстановкой, но и своей нравственной силой. Этот монастырь – духовный и исторический центр Черногории.

Петру II Негошу (1813–1851), великому черногорскому владыке, принадлежат слова, выражающие бескомпромиссный национальный характер черногорца:

*Все на службу имени и чести!
Непрестанной пусть борьба пребудет,
Пусть пребудет, чего быть не может,
Пусть нас ад поглотит, дьявол скосит!
На погосте вырастут деревья
Для иных, для дальних поколений.*

Великий русский писатель Александр Иванович Куприн в очерке «Югославия» замечает: «Больше всего меня поражает и умиляет то явление, что южные славяне смогли и сумели пронести невредимым сквозь века тяжкого и кровавого турецкого владычества свои величавые обряды вроде “славы” или торжественной встречи друга» [7, с. 434]. В этом же очерке писатель оставил свои личные впечатления от народного пения: «Хозяева мои спели ещё три песни, такие же широкие, монотонные и мощные. В них слышался так галерных вёсел, и ритм морских волн, и гудение ветра в корабельных снастях» [7, с. 435].

В описании менталитета и типологии черногорцев-героев и воинов несколько характерных элементов создают национальную идентификацию, а именно: этнонациональный костюм, в частности, шапочка на голове, затем ружьё и *гусле*. В многочисленных письмах Ивана Сергеевича Аксакова рассеяно немало метких наблюдений о народной жизни, о народном музицировании Черногории. Приведём несколько выдержек из его писем, где красочно описана Черногория: «Черногорье, Цетинье. 1 июня 1860 года. Четверг-Воскресенье. Что за народ черногорцы! Породы красивее я не видал. Почти каждый из них чуть не в три аршина ростом, все одеты (и князь тоже) в свой черногорский красивый костюм, все носят за поясом два-три пистолета и ятаган... Сознание своей силы, своего значения, своей независимости, своего равенства чувствуется в каждом. Боже сохрани, если бы князь вздумал побрезгать каким-нибудь бедняком!.. Весь народ живёт там непосредственным бытом, которого мы не встречаем и у себя: там песня беспрестанно рождается, всякое событие тотчас же воспевается, около нас так и веет героическим эпосом» [6, с. 349–438].

Музыкальный инструмент *гусле* является признаком узнавания, как и национальная одежда, оружие и внешний вид. «Там, где нет *гусле*, там нет и людей», – гласит народная мудрость. В патриархальном обществе на *гусле* играли только мужчины, которые считались в доме главой семьи. Женщины никогда не играли на *гусле*, как не шли в бой, как не участвовали в серьёзных мужских разговорах. *Гусле* – это исключительно мужской атрибут, символизирующий мужественность и храбрость: «Вероятно, в самом деле, любовь к своему племени, преданность ему обратно пропорциональны величине его территории и численности населения» [7, с. 439].

В лучших «традициях» современного общественного достояния героические песни были написаны и переданы неизвестными гусярами ещё со времён Средних веков. Другие гусяры перенимали их и могли изменить по своему усмотрению, что обычно приводило к появлению нескольких различных версий одной и той же истории. «Контролировали» достоверность сами слушатели, которые могли громко возразить во время исполнения, если некоторые моменты были неточными или сильно приукрашенными. У гусяров было больше «поэтической свободы», когда они интерпретировали события из далёкого прошлого, так как у них не было свидетелей из тех времён. Большинство песен было собрано, оценено и записано на бумаге Вуком Караджичем в XIX веке вместе с сербской эпической поэзией, причём некоторые из них обладали исключительным литературным качеством.

Подобно тому, как в архитектурном облике Черногории можно обнаружить «деление» на сферы влияния византийской и романской культуры, найти следы воздействия мусульманских традиций зодчества или сохранившиеся со времён Античности памятники римского искусства, музыкальный фольклор также представляет своего рода «этнографическую мозаику»³. При известном единстве общих закономерностей песнетворчества, определяемых именно их славянской основой, здесь ярко проявились локальные различия. Не последнюю роль в этом играют как черты сходства с фольклором соседних областей, так и черты чуждых воздействий.

³ Выражение П. Марковаца [10].

В XIX веке общность художественных идеалов объединяла представителей черногорской, сербской, словенской и хорватской культур с деятелями других национальных школ, прежде всего, славянских. Осуществление творческих задач казалось неотделимым от широкой просветительской деятельности. Ведущее положение на этом этапе развития искусства занимали литературно-поэтические и сценические жанры, в которых непосредственно раскрывалась новая тематика содержания: героический пафос истории, специфические мотивы фольклора.

В становлении великого черногорского поэта Петра II Петровича Негоша, создавшего произведение, которые до сих пор учёные люди изучают, а простые – знают наизусть, главную роль, по свидетельству его современников, сыграли ум, талант и необычная судьба. Ему выпала, пожалуй, небывалая для поэта доля быть светским и духовным главой государства и тоже необычного. Крохотная Черногория, пусть и урезанная в своих границах, единственная на Балканах выдержала натиск Оттоманской империи, перед которой не устояла ни одна из стран Юго-Восточной Европы. Даже находясь с 1499 года в вассальных отношениях с Турцией, она не прекращала борьбы со своим, по существу, формальным сувереном и фактически не знала чужеземного правления.

Один из самых мудрых и энергичных черногорских правителей Петр I умирает в 1830 году, оставляя своему преемнику, будущему поэту Негошу, вместе с престолом владыки все трудности Черногории – маленькой горной страны, где жил храбрый и непокорный народ, страдавший от бедности, голода и внутренних неурядиц, фактически независимый от власти Стамбула и по-прежнему представлявший собою островок в океане ислама и католичества, граничащий со своими извечными врагами турками, не признававшими его политической самостоятельности, и официально дружественными австрийцами, посягавшими на его территории и на правах могущественного имперского народа вмешивавшимися в его внутренние дела.

Напомним некоторые исторические факты. В 1833 году Негош предпринимает своё первое путешествие в Россию. Больше месяца он проводит в Петербурге. В присутствии императора Николая в Спасо-Преображенском соборе молодой

черногорский правитель архимандрит Петр был посвящён в сан архиерея [2].

Со времён Петра Великого, как уже было отмечено, Россия особенно интересуется Черногорией. Существование на занятых турками Балканах независимой православной страны отвечало её интересам. Но сложный мир европейской политики не давал возможности правительству николаевской России открыто и бескомпромиссно встать на сторону черногорцев в их конфликте с соседями – Австрией и Турцией, которые претендовали на черногорские земли. Черногорцы, предоставленные сами себе, жили, как и столетия прежде, в состоянии почти непрерывной войны с турками.

Возможно, уже в первый свой приезд в Петербург Негош, обласканный русским двором, почувствовал, что его отношения с Николаем не всегда напоминают отношения двух суверенов. Но в этот момент его больше заботила судьба его родины. Из русской столицы он увозит в Черногорию не только деньги и книги, но и типографию.

Несмотря на тяжёлые обязанности по управлению страной, Негош не оставлял мысли о приобщении своего народа к культуре и просвещению, лишь окрепшей в результате поездки в Россию, так как отчётливо сознавал, «до какой степени храбрость сего народа превосходит его образование» [8, с. 15]. Дома Негош открывает школу и запускает в работу типографию. Он печатает духовную литературу и школьные учебники, выходит история мира Шлецера в переводе с русского. В 1835 году издаётся первый номер литературно-просветительского альманаха «Горлица»; печатаются пословицы, собранные Вуком Караджичем, а также первые сборники стихов «Пустынный цетинский» и «Лекарство от турецкой ярости» Негоша. В своём большинстве – это стихи начинающего поэта. На них сказалось влияние русского классицизма, стилистики торжественной оды XVIII века. Но тематика некоторых сочинений предвещает будущее Негоша. Стихотворение «Черногорец ко Всемогущему Богу» открывает религиозно-философскую тему, а «Черногорец, пленённый вилой» – обращено к истории.

В конце 1836 года Негош вновь собирается посетить Россию [4], где были недовольны его якобы революционно-демократической деятель-

ностью, в частности, поддержкой повстанцев в Боснии и Герцеговине⁴. Полтора месяца провёл черногорский поэт в местах, где всё ещё дышало Пушкиным. «Хотя его пребывание в Пскове, – пишет Н. Мартинович, – было принудительным, оно не было неприятным... Он нашёл там общий язык с почитателями А. С. Пушкина, дух великого поэта вдохновил его на новые сочинения в поэзии и государственной деятельности» [9, с. 24]. Резонно предположение, что импульс к стихотворению «Тени Александра Пушкина» возник на могиле поэта, «счастливого певца великого народа», как называл его Негош. Знаменитое стихотворение великого русского поэта «Бонапарт и черногорцы» демонстрирует особое внимание к черногорскому народу, воспеваает его силу и бесстрашие:

*Черногорцы? что такое? –
Бонапарту спросил, –
Правда ль, это племя злое
Не боится наших сил?*

«Горный венец» (1847) Петра Негоша посвящён «отцу Сербии», как называл А. С. Пушкин Георгия Чёрного (Карагеоргия) – вождя первого сербского антиосманского восстания. Это произведение – любимое детище поэта и, можно сказать, главная книга черногорской классической литературы. Она занимает первое место по числу изданий в странах Балканского полуострова и лидирует по количеству переводов на иностранные языки. Огромная поэтическая и философская ценность творчества Петра II Петровича Негоша вдохновила одарённых литераторов из разных стран мира сделать многочисленные переводы «Горного венца», которых насчитывается тридцать два, на восемнадцать языков мира. Творчество Негоша по праву входит в мировое культурное наследие.

⁴ Сначала российское правительство отказывает ему в приёме, но вскоре Негош получает разрешение прибыть в Санкт-Петербург. По дороге его задерживают в Пскове. Причиной было следствие в Черногории, которое вёл русский вице-консул в Дубровнике Иеремией Гагич. Российское правительство выясняло состояние дел в стране. Недруги владыки оклеветали его, обвинив в том, что он присвоил церковные ценности и что в Черногории нарастает общее недовольство против правителя.

Народная эпическая песня, как исследователи назвали поэму «Горный венец», имеет огромное значение для черногорцев. Она служила и продолжает служить не только учебником истории с описаниями событий, именами и хронологией, но и авторитетнейшим пособием по этике и эстетике. Историю страны, племени и братства черногорец знал из песни, равно как и о подвигах, и героической смерти своих предков. Как себя вести в той или иной ситуации, какова суть красоты, добра и справедливости – всему этому он учился у народных певцов.

К созданию поэмы «Горный венец» Петр Негош шёл всю жизнь, а написал за несколько месяцев. Обращение Негоша к драматической форме, на наш взгляд, не обошлось без усвоения пушкинского опыта в создании драматических произведений и прежде всего «Бориса Годунова», о котором Белинский писал, что это «совсем не драма, а разве драматическая поэма в разговорной форме». Эти слова в полной мере могут быть использованы и по отношению к поэме Петра Негоша.

«Горный венец» поистине можно расценивать как энциклопедию черногорской жизни и в высшей степени народное сочинение. Негош создал произведение, всеми своими корнями уходящее в толщу народной жизни и затрагивающее самые сокровенные струны в душах соотечественников. Появился «Горный венец» в канун революционных событий в Европе (1848–1849) – подъёма национального и классового движения в Хорватии, Славонии, Далмации, Воеводине, и сразу стал «евангелием патриотически настроенных сербов, принимающих близко к сердцу будущее своего народа» [11, с. 35]. Таков был патриотический заряд, пламенная проповедь борьбы за свободу и независимость ради сохранения «чести и имени», ради грядущих поколений, провозглашаемый в новом произведении черногорского владыки.

Многие строки «Горного венца» стали «крылатыми» и разлетелись по всей стране, войдя в язык как пословицы, поговорки, присловья, речения, живущие и по сей день. Сказать, что «Горный венец» – произведение, написанное на тему национально-освободительной борьбы, безусловно, недостаточно. Большинство литературоведов, как уже отмечалось ранее, считают драматическую поэму всеобъемлющей энциклопедией черногорского духа.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что изучение национальных культур на протяжении всего XX и начала XXI века не теряет своей актуальности. Универсальность данной проблематики объясняется её соотносимостью с общегуманитарной, социокультурной, исторической традициями. Изучение любого этнонационального анклава приобретает особое значение в эпоху глобализации и тотальных взаимопроникновений историко-культурных знаков, носителями которых становятся любые национальные сообщества. Неслучайно именно в последнее десятилетие появляются работы, исследующие «текст» инокультуры; обрисовывающие феномен национального; прослеживающие связи, способные сближать национальное и инонациональное. Вадим Робертович Дулат-Алеев пишет: «Всякий феномен культуры становится предметом с помощью знака и существует в форме текста» [5, с. 4]. И далее: «Всеобщая культура

выступила своего рода распорядителем для локальных культур, регулируя не только прочтения старых смыслов, установок и ценностей, но и формирование новых. В этой культурной ситуации и возникает особая категория, именуемая в новоевропейской научной традиции национальной культурой» [5, с. 5].

Важным для осмысления национальной культуры становится также понятие «доминирующей культуры», введённое исследователем В. Р. Дулат-Алеевым, предполагающее существование некоего полюса для иных культур, определяя нравственно-духовные доминанты и приобщая людей к системе ценностей правящих групп и обществ. Для черногорского пространства «доминирующей культурой» явилась европейская культура и русская, посредством которой транслируется текст национальной культуры, что применимо и в отношении к искусству Черногории XX – начала XXI века.

Литература

1. Андрияшевич Ж., Растодер Ш. История Черногории с древнейших времён до 2006 года. – М.: Олма Медиа Групп, 2010. – 319 с.
2. Андрияшевич Ж. Черногорская церковь (1852–1918). – М.: Олма Медиа Групп, 2011. – 206 с.
3. Асафьев Б. Из области югославянского народного музицирования и взаимосвязи русской и славянской музыки // Асафьев Б. Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. IV. – С. 307–309.
4. Асафьев Б. О народном музицировании Югославии (из введения в русское музыкальное славяноведение) // Асафьев Б. Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. IV. – С. 336–356.
5. Дулат-Алеев В. Национальная музыкальная культура как текст: татарская музыка XX века: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02. – М., 1999. – 297 с.
6. И. С. Аксаков в его письмах. – М.: Кн. по требованию, 2012 (1892). – Т. III: Письма 1851–1860. – 705 с.
7. Куприн А. Югославия // Куприн А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художеств. лит., 1973. – Т. VII: Произведения 1915–1929 годов. – 384 с.
8. Лавров П. А. Петр II Петрович Негош. – М., 1887. – 355 с.
9. Мартинович Н. Негош в Пскове // Стваранье. – 1971. – № 6. – С. 59–61.
10. Марковац П. О наших народных песнях // Из прошлого югославской музыки: сб. ст. югослав. музыковедов / сост., общ. ред., вступ. ст. и прим. И. М. Ямпольского. – Изд. 1. – М.: Музыка, 1970. – С. 77–106.
11. Новакович С. История сербской литературы. – Белград, 1867. – 345 с.
12. Петр II Петрович Негош. Горный венец. – Кралево: Слово, 1995. – 229 с.

References

1. Andriyashevich Zh., Rastoder Sh. *Istoriya Chernogorii s drevneyshkh vremen do 2006 goda* [History of Montenegro from the earliest times until 2006]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2010. 319 p. (In Russ.).
2. Andriyashevich Zh. *Chernogorskaya tserkov' (1852–1918)* [Montenegrin church (1852–1918)]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2011. 206 p. (In Russ.).
3. Asafyev B. Iz oblasti yugoslav'yanskogo narodnogo muzitsirovaniya i vzaimosvyazi russkoy i slavyanskoy muzyki [From the field of South Slavic folk music-making and the relationship of Russian and Slavic music]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. IV, pp. 307-309. (In Russ.).
4. Asafyev B. O narodnom muzitsirovanii yugoslavii (iz vvedeniya v russkoe muzykal'noe slavyanovedenie) [About folk music-making of Yugoslavia (from the introduction to the Russian musical Slavonic)]. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo akademii nauk SSSR Publ., 1955, vol. IV, pp. 336-356. (In Russ.).

5. Dulat-Aleev V. *Natsional'naya muzykal'naya kul'tura kak tekst: tatarskaya muzyka XX veka. Diss. doktora iskusstvovedeniya: 17.00.02 [National musical culture as text: Tatar music of the XX century. Diss. Dr of Art History: 17.00.02]*. Moscow, 1999. 297 p. (In Russ.).
6. *I.S. Aksakov v ego pis'makh. Tom III. Pis'ma 1851-1860. [I.S. Aksakov in his letters. Vol. III. Letters 1851-1860]*. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2012 (1892). 705 p. (In Russ.).
7. Kuprin A. *Yugoslaviya [Yugoslavia]. Sobranie sochineniy: V 9 tomakh. Tom VII. Proizvedeniya 1915-1929 godov [Collected works in 9 volumes. Vol. VII. Works 1915-1929 years]*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1973, 384 p. (In Russ.).
8. Lavrov P.A. *Petr II Petrovich Negosh [Peter I Petrovic Njegosh]*. Moscow, 1887. 355 p. (In Russ.).
9. Martinovich N. *Negosh v Pskove [Njegosh in Pskov]*. *Stvarane*, 1971, no. 6, pp. 59-61. (In Russ.).
10. Markovats P. *O nashikh narodnykh pesnyakh [About our folk songs]*. *Iz proshlogo yugoslavskoy muzyki: Sb. st. yugoslavskikh muzykovedov [From the past Yugoslav music. Collection of papers Yugoslav musicologists]*. Ed. I.M. Yampol'skiy. Moscow, Muzyka Publ., 1970, pp. 77-106. (In Russ.).
11. Novakovich S. *Istoriya serbskoy literatury [History of Serbian literature]*. Belgrad, 1867. 345 p. (In Russ.).
12. *Petr II Petrovich Negosh. Gornyy venets [The Mountain wreath]*. Kralevo, Slovo Publ., 1995. 229 p. (In Russ.).